

Matsevko-Bekerska L., doctor of Philological sciences, associate professor
Ivan Franko national university of Lviv, Lviv

**TIME PERSPECTIVE OF THE NARRATOLOGICAL DISCOURSE
IN THE SHORT PROSE BY M. KOTSIUBYNSKY
IN THE LATE 19TH – EARLY 20TH CENTURIES**

Contemporary narratology of a new level of analytical apprehension of a literary text suggests unique approaches to the reception and understanding of a narrative in the individually stylistic fictional time and space. In compliance with receptive and interpretational horizons the attempt to examine time configurations of a text in M. Kotsiubynsky's short prose is made on the basis of key studying principles of narrative parameters as well as on the basis of the development of the narration according to the intentional factors. The semantic decomposition of the notion of "narration" leads to further differentiation of the stylistic analysis for studying the narrative specificity of a text, in particular, for understanding the peculiarities of the fictional world within the time parameters of a narrative order.

Key words: story, narration, stylistic equivalence, isochronism, anisochronism, resume, ellipsis, pause, scene.

УДК 821.161.1

Смиловски М., аспирант
Кельце, Польша

**ПЕЙЗАЖНО-ЛАНДШАФТНЫЕ И ПРИРОДНО-КЛИМАТИЧЕСКИЕ
ХАРАКТЕРИСТИКИ ГОРОДА В ИЕРУСАЛИМСКОМ ТЕКСТЕ
ПРОИЗВЕДЕНИЙ ДИНЫ РУБИНОЙ «ВОТ ИДЕТ МЕССИЯ!...»
И «ИЕРУСАЛИМЦЫ»**

Статья посвящена анализу двух элементов иерусалимского текста в произведениях Д.Рубиной «Вот идет Мессия!...» и «Иерусалимцы» – их пейзажно-ландшафтных и природно-климатических характеристиках. Писательница подчеркивает неровную поверхность местности, акцентируемую в описаниях холмов, гор и других возвышенностей. Кроме того изображает идущие вверх и вниз улочки и дороги, а также особое внимание уделяет фиксации цветовой гаммы. Упомянуты также растения и животные, которые можно встретить в Иерусалиме. Описания природно-климатических явлений в произведениях Д.Рубиной занимают мало места. Их сходство, в значительной мере единообразии, объясняются тем, что в романе, как и в рассказах, описывается один «объект». Отсюда и их органическое включение в создаваемый в прозе писательницы иерусалимский текст.

Ключевые слова: Дина Рубина, иерусалимский текст, пейзажно-ландшафтные характеристики, природно-климатические характеристики.

© Смиловски М., 2016

Сфера чувств героя и его внутренние переживания определенным образом зависят и от среды, и от него самого. Но если речь идет о климатической или пейзажно-ландшафтной сфере, можно с уверенностью утверждать, что герой не может влиять на них, а они в той или иной мере определяют его чувства и настроения. Зяма – одна из двух главных героинь романа «Вот идет Мессия!...» часто любитесь Иерусалимом во время поездки на автобусе. Именно её глазами в произведении представлена пейзажно-ландшафтная сфера иерусалимского текста. Передавая ракурс её видения, автор пишет:

«Слева и сзади высоко завис Иерусалим, а справа внизу – кругами разошелся белый, в голубовато-молочной пенке облачков, приперченный красной черепицей Рамот.

Этот выезд, этот первый поворот на шоссе, этот вылет в простор Божьей сцены всегда напоминал ей те первые мгновения, когда самолет уже оторвался от земли и набирает высоту, и бегут внизу и косо вбок веселые лоскуты луговой зеленой замши и черно-зеленая щетинка лесов...

Постоянное и всегда смешливое изумление вызывала в ней кукольная отсюда башенка мавзолея над могилой пророка Самуила. Так ладно, уместно, нарочито театрально венчал этот мавзолей один из дальних круглых холмов. А однажды, пасмурным утром, она видела прожекторно-желтый луч, настырный, как указующий перст. Он упирался в башенку мавзолея, прорвав стеганное дождем, тяжелое небо. На этой земле, под этим небом, с их театральными эффектами, легко было трепетать перед Всевышним...» [1: 21-22].

В таком городе, как Иерусалим, описанном подобным образом, легко можно почувствовать божественное начало. Иным и контрастным ему в произведении предстает Тель-Авив. Дина Рубина пишет:

«...Автобус подъезжал к Тель-Авиву, вот уже показались на равнине контуры могучего холма – городской помойки, в просторечье – Тель-Хара. Переводилось это романтическое благозвучное имя как Холм Дерьма или, если так удобнее, – Дерьмовый Курган. Всякий день очертания его вершины менялись: то с одного боку насыплет мусоровоз горку, то с другого. То вздымался посередине гребень, то словно двугорбый верблюд остановился на равнине. Чайки дружными серебристыми стаями, издалека – под лучами солнца – похожие на блестящих рыбок в аквариуме, всегда носились над величественным Тель-Харой. По гребню его ползали грузовики-мусоровозы.

Иногда Зяма представляла, что если заснять на пленку изменения рельефа этой горы, а потом прокрутить пленку в страшном темпе, то Дерьмовый Курган шевелился бы, ворочался и волновался, как гигантское ископаемое на равнине...» [1: 24-25].

Вначале Зяма вместе с родными жила почти в центре: «Зяма с семьей снимала тогда небольшую квартиру в Рамоте, одном из дорогих районов Иерусалима. Жила она в то время двойственной жизнью – утром убирала по найму квартиры состоятельных израильтян, а во второй половине дня ее часто приглашали участвовать в каких-то симпозиумах, „круглых столах“ в университете и радиопередачах, которые вел авторитетный радиожурналист Сема Бампер» [1: 39].

Место, в котором живёт героиня произведения во время описываемых событий, нельзя сказать, чтобы принадлежало к лучшим районам Иерусалима. Это – поселение Неве-Эфраим. В его описании отсутствует слово *дом*. Да и домов здесь, скорее всего, просто нет: все приехавшие и живущие в поселении обитают в вагончиках, и героиня здесь не является исключением. Ее вагончик «назывался по здешнему „караван“ – как-то

странно, не по делу» [1: 83]. Вместе с тем в одном из эпизодов, воспроизводящих ракурс видения стоящей на возвышении героини, читаем, что, «если взглянуть отсюда, сверху, на спускающиеся под гору однообразные ряды вагончиков, в воображении и впрямь возник караван, медленно вползающий в лысое мшистое ущелье.

Вагончик, где жила ее семья, стоял у подножия горы, на самом краю поселения. Дверь распахивалась в захватывающее дух пространство далеких и близких холмов, долинок, ущелий, которые видны были разом все, – эффект здешней топографии. Например, на боку шестой отсюда, ржаво-зеленой горки, как в бинокль, видна была группка олив, издали напоминавших рассыпанные кочаны брюссельской капусты; в ясный день вокруг этих кочанов ползали букашки овец и двигалась белая точка – куфия на голове пастуха-араба» [1: 83]. Дорога к вагончику не отличается особым комфортом. В тексте читаем: «Проклинай каблуки, Зяма стала спускаться по асфальтированной узкой дорожке круто и извилисто вниз (ей-богу, лучше б оставили первозданную тропку с кустиками по краям), а снизу от последнего „каравана”, уже бежали к ней в сумерках семилетняя дочь и собака – годовалый тибетский терьер, возлюбленный пес, – облаивая и окрикивая округу...» [1: 83]. По сравнению с другими, её вагончик ничем особым не отличается. Можно обратить внимание лишь на то, что он находится на краю поселения.

Из следующего фрагмента мы узнаем, что «перед „караваном” дорожка обрывалась – тут, собственно, и проходила необозначенная граница поселения Неве-Эфраим» [1: 105-106].

Опустившись на стоящее на дорожке раскладное кресло, Зяма наблюдает окрестности. Автор пишет: «Перед ней, уже до краев заполненная солнцем, лежала расчищенная от валунов и окаймленная двумя рядами олив долина. В глубине ее теснили и сжимали в ущелье опоясанные террасами старые ржавые холмы Самарии, а над ними в молодом родниковом небе текли желтые отдели облаков» [1: 106].

В этом описании присутствуют точные детали пейзажа и ландшафта территории, на которой находится Зямин вагончик. На их формирование повлияла многовековая история Израиля и самого Иерусалима. Связь истории цивилизации и природы здесь более чем очевидна. Автор пишет:

«Метрах в двухстах от Зяминога вагончика бугрился курган остатками каменных стен времен Османской империи.

Зато, если перевалить через курган, можно побродить, спотыкаясь и балансируя руками, по раскопанным стенам города Ай. Израильяне взяли его вторым – после Иерихо, – когда вернулись в эту землю, текущую молоком и медом. Так написано в ТАНАХе.

До сих пор кроты вытаскивают на поверхность земли обесцвеченные временем и почвой кубики – крошево мозаичных полов и настенных панно, что украшали когда-то строения Шомрона, Самарии – цветущего края.

Во всех карманах Зяминой одежды валялись эти матовые кубики, похожие на кости для игры в „шешбеш”. Их было приятно и странно перебирать в кармане, гладить пальцем шероховатую грань, согревать и думать, что тысячелетия назад они были вытесаны теплыми и чуткими руками предка-мастерового все из той же породы местного известняка, который и сейчас используют здесь для строительства.

Остатки древних стен, микву и маслодаильню с двумя огромными каменными жерновами каждое лето копают парочка поджарых американских археологов-пенсионеров» [1: 106].

С районом, в котором живёт Зяма, контрастирует район, где обитают другие представители эмиграции из России, связанные с сюжетной линией, касающейся писательницы Н (второй главной героини). Изображая уже эту местность, где находился строительный кооператив «Маханэ руси» («Русский стан»), издали напоминающий шхуну, Рубина пишет:

«Дома шхуны „Маханэ руси“, как ласточкины гнезда, лепились вверх, на склоне горы, на вершине которой и раскинулся эллипсом их городок, по сути – спальный район Иерусалима.

Из окон новеньких коттеджей открывался эпохальный вид для паломников. Масличная гора и гора Скопус лежали на горизонте, как груди, полные молока, мифов и легенд. Сосками торчали на их вершинах башни университета и госпиталя Августы-Виктории. Извилисто бежала меж этих грудей дорога из Иерусалима к Мертвому морю. Она была унижена фонарями, которые с наступлением сумерек затепливались, почти сливаясь с угасающим светом дня, затем наливались топленным молоком, густевшим с каждой минутой, и вскоре сверкали во всю мочь, словно низку топазов бросили сверху на черные горы.

Глупо было не соорудить террасу с видом на этот мифологический пейзаж. Небольшую, но просторную. Метришков на сорок» [1: 86-87]. Оба района с приехавшими в Израиль эмигрантами из России даже своими названиями и вызываемыми ассоциациями связаны с идеей непрекращающегося пути. Взять хотя бы название вагончика, в котором живет Зяма, – «караван», или то, что как караван (т. е. цепь идущих в пустыне верблюдов с поклажей и едущими на них людьми) видится весь тот поселок, в котором она обитает. Или – ассоциируемый со шхуной кооператив «Маханэ руси».

Пейзажно-ландшафтные характеристики, даваемые Рубиной Иерусалиму в романе «Вот идет Мессия!...», переключаются с описаниями этого города в рассказах «Иерусалимцы». Во фрагменте, воспроизводящем прогулку героини-повествовательницы по городу, читаем: «...И вот небо над крышами старого дома напротив становится цвета яблочной кожуры; над коньком крыши всплывает – в зависимости от недели месяца – либо турецкая туфелька, либо полнолуный диск, либо обсосанный кусок колотого сахара... Потом небеса густеют и неудержимо сливаются с цветом синих железных ставней, а сам дом начинает светиться и таять, как кубик рафинада в стакане чая» [2: 396].

В рассказах «Иерусалимцы» все подобные описания получают более поэтизированный характер. Это связано с тем, что все они носят интимный характер, передают личные, предельно субъективированные ассоциации и впечатления писательницы. Вместе с тем, с пейзажными описаниями в романе «Вот идет Мессия!...» их родний акцент на передаче цветовой гаммы, а также её изменений в изображаемом, и приводимые ассоциативные сравнения отдельных деталей с тем, что съедобно (как реализация метафоры «Израиль – сказочная страна с молочными реками, кисельными берегами, сахарными горами» и проч.). В обоих произведениях в пейзажно-ландшафтных зарисовках также наличествуют детали, всегда отсылающие к мифологии или истории.

Зяма, героиня романа «Вот идет Мессия!...» со времени приезда в Израиль постоянно как бы разрывается между двумя соседствующими и конкурирующими между собой огромными городами – Иерусалимом и Тель-Авивом, между своего рода символами сакрального и профанного. И это сказывается и на её характере, и на судьбе.

Личное отношение Зямы к Иерусалиму во многом противоречиво. Оно зависит от ситуации, в которой находится героиня, от её настроения и даже от погоды. Когда Зяма чувствует себя в безопасности, в её восприятии город видится как оазис гармонии, и тогда в нем доминирует чувство покоя, «домашности» и тишина. Зяма и Иерусалим как бы сливаются, растворяются друг в друге, и то, что она чувствует, резонирует в окружающей её среде. В эпизоде, когда Зяма гуляет по улицам Иерусалима, мы видим, как она буквально в него погружается, дышит им. В тексте читаем:

«Она всегда погружалась в этот город медленно, как входила обычно в море, преодолевая лодыжками, коленями, грудью напирющую, обнимающую толщу этого воздуха. И, задержав дыхание, – ныряла с головой, пытаясь проникнуть в его воды еще, еще глубже...

В этом городе, погруженном в глубокие воды вечности, отраженном тысячекратно в слоях плывущего неба над ним, вобравшем в себя все жизни когда-то живущих здесь людей и многожды их вернувшем, – в этом городе, свободном и ускользающем от посягательств всех завоевателей в мире, – в этом грозном и веселом городе невозможно было умереть навсегда. Так только – прикорнуть на минутку в вечность, и сразу же очнуться, и увидеть, как изо всех сил пляшет перед Господом Машиах – красивый человек из дома Давида» [1: 241].

В этом фрагменте произведения показано, как Зяма, глядя на Иерусалим, ощущает его божественное начало. Город, увиденный её глазами, обретает символические черты. Он – как море, но море – символ жизни и сама жизнь. Ее-то, саму полноту бытия и чувствует Зяма.

В другом из фрагментов читаем, как Зяма гуляет по городу:

«Сначала она брела по улице Яффю – тесной, неудобной в той части, где она, извиваясь, подползает к рынку Маханэ-Иегуда. Пробиралась мимо старых, вросших порогом в тротуар лавок и мастерских, притираясь к стене, чтоб разминуться с идущим навстречу стариком-ортодоксом.

Она любила шататься по рыночным тесным лавчонкам, там всегда можно было наткнуться на неожиданность, то есть на то, что более всего она ценила в жизни» [1: 241-242].

Эти прогулки по Иерусалиму были одной из немногих радостей, которые Зяма могла себе позволить. Когда у нее оставалось немного свободного времени, она после работы с удовольствием ходила по улицам Иерусалима. Изображая один из таких дней, Дина Рубина, подчеркивая деталями реалии местности, пишет:

«Закончили сегодня неожиданно рано. Это означало, что целый час она может шататься по веселым, грязно-розовым закоулкам и тупичкам Иерусалима.

Витя переобул свои пляжные сандалики на не менее идиотские, бального вида туфли-лодочки и повез ее к автостанции. И опять вокруг что-то копали, и Витя, как всегда, поехал в объезд, каждые три минуты застревая и обругивая из окошка наглецов-водителей.

Впереди них перед светофором толстый таксист-марокканец приятельски неторопливо беседовал из окна с юной проституткой на тротуаре.

– Интересуетесь – почему райские кущи, – заметил Витя и остервенело загудел» [1: 217].

В пейзажно-ландшафтных характеристиках Иерусалима Рубина подчеркивает неровную поверхность местности, акцентируемую в описаниях холмов, гор и других

возвышенностей, возникающих на горизонте во время поездок героев, а также в описаниях идущих вверх и вниз улочек и дорог в самом городе. Писательница отмечает также наличие в Иерусалиме вертикальных ориентиров, связанных с развитием городской цивилизации – башни университета и госпиталя Августы-Виктории на вершинах Масличной горы и горы Скопус [1: 86], верхушки храмов, мечетей и проч., типа: Храм Гроба Господня, Западная Стена Храма, Мечеть Омара [1: 32]. Большое внимание уделяется фиксации цветовой гаммы в описаниях почвы, а в уличных зарисовках – того материала, из которого выстроено большинство домов, колористике их окон и крыш, проч. Из растений упоминаются: акации, сосны, пинии, эвкалипты, оливковые деревья, платаны, пальмы и кипарисы, а также розы, «кусты бугенвиллей, цветущие, как известно, избыточно яркими фиолетовыми, бордовыми и розовыми соцветиями» [1: 86] и др. Из животных и птиц – собаки, верблюды, овцы, кроты и чайки.

В одном из фрагментов романа «Вот идет Мессия!...» мы читаем о встрече некоего Рабиновича с французом Михаэлем. И здесь важную роль играет описание места, где она происходит – парка, а также местности, её ландшафта. Автор пишет:

«Когда Рабинович вышел наверх, Михаэль сидел на ступеньках, курил и смотрел вниз, туда, куда покато спускался молодой парк – акации, сосны, пинии и кипарисы. Парк спускался – так и хочется написать „к реке“... – да только нет реки в Иудейской пустыне. Парк спускался к изогнутому полукольцом двойному шоссе, с разделяющим полосы рядом пальм.

Чешуей багрового дракона поднималась справа от шоссе черепица крыш, громоздился ступенчато старый район вилл. А дальше виднелись желтые холмы пустыни и такая высокая и ясная в этот солнечный день – голубая гряда Моавитских гор» [1: 364-365]. Несколько раз автором упоминается Гефтсиманский сад и Оливковая роща. При этом сама же всем известная Оливковая роща выступает в тексте одновременно и как элемент пейзажно-ландшафтной характеристики Иерусалима, и как элемент его культурной и мифологической сферы характеристик.

Как уже отмечалось выше, второй главной героиней романа Дины Рубиной «Вот идет Мессия!...» является некая известная писательница Н. Как и Зяма, она – эмигрантка из СССР, и ей также сорок лет. Когда речь в повествовании ведётся о ней, все изображаемое читатель видит как бы ее глазами. В подобных фрагментах иерусалимский текст начинает изобиловать описаниями природной сферы.

Как показывает в своих работах Е. Фарыно, в художественном тексте «природа может дифференцироваться по различным признакам, хотя бы такого типа, как: культурная и дикая, изысканная и грубая, обыденная и экзотическая, северная и южная, буйная и скудная, цветущая и увядающая, однообразная и богатая и т. п.» [3: 173].

Любое описание природы в художественном произведении важно не само по себе, а тем, какую роль оно играет в нем как в определенной художественной системе. Исследователь подчеркивает, что чаще всего, например, «выбор атмосферных явлений диктуется в этой системе их „синтаксичностью“ (зыбкостью, текучестью, волнообразным характером), а этим самым – некоторой причастностью к „музыке“». Поэтому им свойственно раздваиваться. С одной стороны, они – вполне реальные явления, но с другой – вариации запредельного, космического. Туман, ветер, метель, пляска листьев, сумерки, заря и т. д. – это и детали земного пейзажа, и „агенты“ неземного, космического. Благодаря

такому раздвоению они свободно моделируют как реальную историческую обстановку, подавленность, так и грядущие мировые катаклизмы и возрождения. Но это значит, что в данном случае природа уже не природа, а „язык“, система моделирующих категорий, сохраняющих только внешнее подобие природных явлений [2: 186]. Именно в такой роли и выступают чаще всего те или иные описания природных явлений в произведениях Дины Рубиной «Вот идет Мессия!...» и «Иерусалимцы».

Дина Рубина с характерным для нее чувством юмора так пишет о природе: «В природе вообще все встречается, например бородастая женщина – из учебника восьмого, если не ошибаюсь, класса. Явление необъяснимое» [1: 154].

В одном из эпизодов романа «Вот идет Мессия!...» мы видим, как писательница N, лежа голяком дома под вентилятором, страдает от все поглощающего зноя. Её муж также буквально умирает от жары. Она думает:

«Ну, положим, этот банный кошмар длится не 365 дней в году. А зимний многодневный проливень – не хотите ли, – под которым протекают все без исключения крыши всех строений – от паршивого курятника где-нибудь на задворках Петах-Тиквы до небоскреба отеля „Холлидей ин“. Выскакиваешь из подъезда, заворачиваешь за угол, вбегаешь под стеклянный навес остановки – и ты уже насквозь пропитан холодной тяжелой водой, вымочен, как белье в тазу. Тропическая лавина, водопад, под которым смешна и бесполезна обычная осенняя одежда – эти жалкие плащи, дождевые куртки с капюшонами, резиновые сапоги... И хочется либо залезть в скафандр водолаза, либо уж раздеться догола и слиться с водами мирового потопа от неба до земли... Недаром это слово в древнееврейском существует только во множественном числе – воды, воды... „Объяли меня воды до души моей...”

Но и дождь, и душу вышибающий ветер, выламывающий ребра зонтов, выдувающий тепло даже изо рта и слезящихся глаз, вспоминаются сейчас как спасение...» [1: 58].

Из природно-климатических явлений, характерных для Иерусалима, Рубиной в произведениях «Вот идет Мессия!...» и «Иерусалимцы» описываются жара, ливень, выше уже отмеченная нами цветовая гамма закатов. При этом акцент делается на космологическом и мифологическом, сказочном, а не на обыденном и бытовом.

Упомянутая выше жара постоянно сопровождает автора-повествователя в цикле ее рассказов «Иерусалимцы». Даже вечером, когда становится чуть прохладнее, она ощущает дыхание зноя от днем накаленных на солнце домов. Во фрагменте, описывающем эпизод, когда писательница находится в центре Иерусалима, читаем:

«Иногда вечером я выезжаю в центр Иерусалима... Еще не меркнет свет, но воздух уплотняется, а мерцающий мягкий известняк домов начинает отдавать жар дневного солнца... Свежеет... У меня поднимается вечно низкое давление и душа наполняется если не весельем, то, скажем так, оживлением....

Теплый весенний вечер в Иерусалиме, в районе Нахалат-Шива, на улице Йозель Солломон...» [2: 396].

В другом фрагменте к существительному *жара* прибавлено прилагательное *страшная*. Автор пишет: «стояла страшная жара, обычная для этого времени года» [2: 404].

В романе «Вот идет Мессия!...» писательница N. всё время ищет какой-то сюжет для своего произведения. Окружающая природа, которую мы видим её глазами, в

повествующих о ней фрагментах представляется наиболее ярко, образно, с налетом «литературности». В одном из отрывков произведения читаем:

«Перед тем как уйти, писательница N. оглянулась. Сашка Рабинович и Доктор, со стаканами в руках, стояли у края обрыва и горячо о чем-то спорили. Речи их были темны и почти бессвязны. Огненный месяц-ятаган был занесен над их нетрезвыми головами. Фальшивые театральные звезды, безвкусно густо нашитые бугафором на черную ткань неба, пересверкивались с низкой топазов-фонарей на шоссе, далеко внизу. Богатейшая, перезревшая ночь раскинула влажные тела и гулко дышала страстью на холмах Иудейской пустыни.

Впрочем, это слова какого-то романа. Неважно. Все это предстояло описать. И это было чертовски трудно. Но писательница N. уже знала, как следует повернуть диалог, на котором ее, едва наметившийся, роман буксовал последние три недели...» [1: 232-233].

Следует отметить, что иерусалимский текст произведений Дины Рубиной «Вот идет Мессия!...» и «Иерусалимцы» не изобилует описаниями природно-климатической сферы города. Вместе с тем каждое из таких описаний пластичностью изображения напоминает картину какого-то мастера-живописца. Так в тексте романа «Вот идет Мессия!...» читаем:

«Похолодало. Едкий дым от пожара улегся, сполз в овраг. Со стороны Иерихона подул ветер, и небо минут за пятнадцать очистилось, поднялось, вздыбилось, вывернуло весь запас искристых звезд, развесило над центром мира Большую Медведицу со всеми причиндалами.

И только на окраине, ведомая ровным ветром, под пастушьим присмотром огромной тяжелой луны тянулась к Иерусалиму рваная, бледно-серая цепочка туч. На черном небе – звонкой и холодных, как хрустальный архипелаг» [1: 351-352].

Дина Рубина умеет мастерски соединить описание природно-климатической сферы Иерусалима с его историей и мифологией. В следующем фрагменте читаем:

«Этой горной высокопарной долине, этой вечной драме и вечной небесной игре внимали, словно впервые, мрачные холмы Иудейской пустыни – безрадостный приют Адама, изгнанного Всеблагим сюда из райских куш» [1: 352].

Описания природных и климатических явлений в произведениях Дины Рубиной «Вот идет Мессия!...» и «Иерусалимцы» занимают не так уж много места. Их похожесть, в значительной мере единообразие объясняются тем, что и в том, и в другом полотне представляется тот же «объект» – природно-климатическая сфера любимого автором Иерусалима. Отсюда и их органическое включение в создаваемый в прозе писательницы иерусалимский текст.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Рубина Д. Вот идет Мессия!... // Д. Рубина. Иерусалимский синдром: Рассказы. Эксмо, Москва 2008. – 432 с.
2. Рубина Д. Иерусалимцы. // Д. Рубина. Иерусалимский синдром: Рассказы, Эксмо, Москва 2008. – 432 с.
3. Faryno J. Wstęp Do Literaturoznawstwa, Część III, Uniwersytet Śląski, Katowice 1980, s. 288.

Сміловські М.К., аспірант
Кельце, Польща

ЛАНДШАФТНО-КРАЄВИДНІ ТА ПРИРОДНО-КЛІМАТИЧНІ ХАРАКТЕРИСТИКИ МІСТА У ІЕРУСАЛІМСЬКОМУ ТЕКСТІ ТВОРІВ Д. РУБІНОЇ «ОСЬ ЙДЕ МЕСІЯ!...» ТА «ІЕРУСАЛІМЦІ»

Статтю присвячено аналізу двох складових ієрусалімського тексту у творах Д. Рубіної «Ось йде Месія!...» та «Ієрусалімці» – його ландшафтно-краєвидним та природно-кліматичним характеристикам. Йдеться про те, що в обох випадках письменниця підкреслює нерівну поверхню місцевості, актуалізовану в описах пагорбів та схилів міста й його околиць, дає замальовки доріг та численних провулків і вуличок, які тягнуться в ньому вгору та вниз, акцентує їх колір та колорит. У обох творах згадуються температурні характеристики міста у різні часи доби та пори року, рослини та ті з тварин, яких можна зустріти в Ієрусалімі. Описи природно-кліматичних з'явиськ у творах Д. Рубіної займають порівняно мало місця. Їх схожість, подібність значною мірою пояснюється тим, що у творах описується один і той самий «об'єкт». Звідси і їх органічне залучення в творений в прозі письменниці ієрусалімський текст.

Ключові слова: Діна Рубіна, ієрусалімський текст, ландшафтно-краєвидні характеристики, природно-кліматичні характеристики.

Smilovski M., assistant
Kielce, Poland

LANDSCAPE AND NATURAL CLIMATE DESCRIPTION OF THE CITY IN JERUSALEM TEXTS BY D. RUBINA “MESSIAH COMES!” AND “JERUSALEMITES”

The article is devoted to the analysis of two elements in the text of Jerusalem in the works by D. Rubina, “Messiah comes!” and “Jerusalemites” – the landscape, natural and climatic characteristics. The writer pays attention to the area of space, accented by descriptions of mountains and peaks. In addition to this a special attention is devoted to the range of colours while picturing streets and roads which go up and down. These are a lot of plants and animals that can be found in Jerusalem. Descriptions of natural and climatic phenomena takes up little space. Their similarity can be explained by the fact that the same “object” is featured in novels and stories. That is why we find them in the Jerusalem text by the writer.

Key words: Dina Rubina, text Jerusalem, landscape characteristics, natural and climatic characteristics.